

На правах рукописи

ХАНСКИЙ Александр Олегович

**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
ВЕРБАЛЬНОГО УТЕШЕНИЯ**

10.02.19 - теория языка

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тверь - 2002

Работа выполнена на кафедре теории языка и межкультурной коммуникации Тверского государственного университета

Научные руководители: доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ **Г.И. Богин**
доктор филологических наук, профессор
М.Л. Макаров

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
М.Ю. Федосюк
кандидат филологических наук, доцент
И.В. Соловьева

Ведущая организация: Институт языкознания РАН

Защита состоится "___" _____ 2002 г. в ___ час. ___ мин. на заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском государственном университете по адресу: Россия, 170002, г. Тверь, проспект Чайковского, 70, корпус 4, аудитория 35.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Тверского государственного университета (г. Тверь, ул. Володарского, 42).

Отзывы можно направлять по адресу: Россия, 170000, г. Тверь, ул. Желябова, 33, Тверской государственной университет, ученый секретарь.

Автореферат разослан "___" _____ 2002 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

Н.Ф. Крюкова

Реферируемая диссертация посвящена изучению вопросов вербального утешения, т.е. воздействия словом на человека для изменения его внутреннего состояния. Изучение волюнтаривной функции языка (функции воздействия, см. ЛЭС 1990:564-565) имеет давнюю историю. Повышенный интерес отечественных лингвистов она привлекла к себе в 90-е годы XX века: открытость общества и экономики потребовали новых научных разработок по вопросам воздействия словом на человека, в первую очередь в связи с политической и коммерческой рекламой. В то же время, негативные последствия реформ и, как следствие, большие психические перегрузки и стрессы предъявили социальный спрос на использование результатов лингвистических исследований в терапевтических целях. В итоге в последние годы как самостоятельная дисциплина сложилась суггестивная лингвистика. Вместе с тем, несмотря на долгую историю изучения вопросов, связанных с воздействием словом на человека, в настоящее время отсутствует целостное исследование вербального утешения, особые перспективы рассмотрения которого открывают стратегический анализ речевого общения с точки зрения системы мыследеятельности Г.П. Щедровицкого и использование современного научного аппарата филологической герменевтики и коммуникативной лингвистики. Это определяет **актуальность** реферируемого исследования.

Объектом исследования является вербальная коммуникация.

Предмет исследования составляют коммуникативные стратегии вербального утешения в устном и письменном языковом общении в текстах разной природы и жанровой отнесенности.

Новизна исследования состоит в том, что впервые предпринимается попытка выявления организации вербального утешения с точки зрения системы мыследеятельности, определяется наджанровая стратегическая природа вербального утешения, выявляются типы коммуникативных стратегий вербального утешения, описывается связь вербального утешения с личностными и социокультурными факторами коммуникации.

Целью исследования является комплексное коммуникативное изучение феномена вербального утешения.

Задачи исследования:

- критический анализ научной литературы по теории речевых жанров, теории речевых актов, лингвистике диалога, филологической герменевтике, теории языковой личности и системы мыследеятельности в связи с изучаемой проблемой;
- определение природы и лингвистического статуса вербального утешения;
- анализ лексического поля "Утешение";

- определение понятия вербального утешения и выделение вербального утешения на фоне смежных конструктов;
- построение модели внутренних состояний человека;
- выделение типов стратегий и редуцированных форм вербального утешения;
- анализ диалогов утешения, взятых из текстов художественной литературы;
- выявление содержательных форм вербального утешения в текстах различной природы;
- рассмотрение особенностей функционирования вербального утешения в различных социокультурных средах;
- формулирование значимых с точки зрения вербального утешения характеристик языковых личностей утешающего и утешаемого.

Методы и приемы исследования. Основным общенаучным методом исследования в диссертации является гипотетико-дедуктивный метод. Кроме того, в работе использовались: схема системомыследеятельности Г.П. Щедровицкого, дефиниционный анализ словарных статей, семантическая и прагматическая интерпретация, социально-контекстуальный анализ, обращение к коммуникативно-прагматическому контексту, моделирование.

Общетеоретическую основу диссертации составили научные положения отечественных и зарубежных исследователей по проблемам речевого общения с позиций системы мыследеятельности (В.М. Розин, Г.П. Щедровицкий), теории языковой личности (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов), теории понимания текста (Г.И. Богин, А.А. Залевская), теории коммуникации (Г.Г. Почепцов, Ю.А. Сорокин).

Материал исследования был получен в результате выборки: *a)* лексических единиц из лингвистических словарей (толковых, этимологических, переводных, словарей синонимов и антонимов) пяти языков (английского, латинского, немецкого, русского, церковнославянского); *b)* диалогов утешения из текстов художественной литературы на трех языках (английском, немецком, русском) общим количеством 538 текстовых фрагментов.

На защиту выносятся следующие положения.

1. В теоретической схеме системомыследеятельности вербальное утешение трактуется как вербализация (перевыражение в поясе М-К) элементов метасмысла *Лад* (пояс М) и элементов пояса мД, в которых опредмечены элементы метасмысла *Лад*. Различаются реальное и мнимое утешение. Реальное утешение представляет собой вывод личности утешаемого из области Разлада к Ладу, в то время как мнимое утешение связано с сокращением у личности утешаемого индивидуальных границ области Разлада.

2. Конструкт утешения составляет непрерывный континуум смыслов, восходящий к метасмыслу *Лад*. Этот метасмысл может быть описан посредством репрезентации лексического поля "Утешение" и с различной степенью дискретности представлен в виде перечня наименования смыслов, входящих в этот континуум.
3. Элементы *Лада* находят свое перевыражение как в окружающем материальном мире, так и в различных идеологиях. Поэтому вербальное утешение возможно и с использованием описаний материальных носителей метасмысла *Лад*, и с помощью текстов различных идеологий, причем последние обладают наибольшим потенциалом утешения, однако для их восприятия необходим определенный образовательный уровень утешаемого.
4. Вербальное утешение обладает стратегической природой. Стратегическая организация вербального утешения является более глубокой, чем организация таких конструктов, как речевой жанр и речевой акт. Типы стратегий вербального утешения определяются локализацией элементов *Лада* в жизненном мире языковой личности утешаемого. Выделяется семь стратегий вербального утешения: религиозное, моральная поддержка, переинтерпретация, смена фокуса, фатализм, изоморфизм, преодоление. Стратегии вербального утешения предполагают одна другую, переходят друг в друга, редуцируются в различных формах.
5. Выделенные стратегии вербального утешения формируют определенные требования к языковой, социальной и культурной личности утешающего, основными из которых являются авторитет и жизненный опыт. Абсолютное воплощение этих критериев позволяет сформулировать образ "идеального утешающего" в определенной культуре.
6. Осуществление вербального утешения вариативно и зависит от различных социальных, культурных, психических переменных. Эти различия определяются ролью и местом отдельной личности в социуме. Существует корреляция между определенными стратегиями утешения и типом социума: в индивидуалистическом типе социума вероятно преобладание стратегий переинтерпретации и изоморфизма, в коллективистском социуме – стратегий моральной поддержки, фатализма, смены фокуса, преодоления и религиозного утешения. Существует обратная зависимость выбираемых стратегий утешения от языковой, социальной и культурной компетенции утешаемого.

Теоретическая значимость результатов работы заключается в том, что расширяется представление о волюнтативной функции языка и прагматической функции языкового общения, о языковой коммуникации и речевом воздействии на человека; уточняются некоторые понятия теории

речевых жанров, теории речевых актов и лингвистики диалога; применение схемы мыследеятельности к анализу вербального утешения расширяет ее теоретический и прикладной потенциал применительно к филологическим проблемам; раскрываются новые аспекты традиционных для языкознания проблем "Язык и Культура" и "Язык и Личность". Проведенное исследование дополняет онтологическую картину языка как общественного явления и расширяет теоретическую основу преподавания ряда лингвистических дисциплин.

Практическая значимость работы состоит в том, что выявленная структура вербального утешения дает действенный инструментальный и материал для риториков и коммуникаторов широкого профиля при решении ряда задач (риторических, прагматических, переводческих, герменевтических, дидактических, педагогических и др.). Полученные результаты могут быть использованы в теории речевой деятельности, при выявлении рефлексии в процессах воздействия устного и письменного текста. Результаты исследования могут вызвать интерес культурологов, психологов, социологов и философов.

Апробация работы осуществлялась на заседаниях кафедры английской филологии Тверского государственного университета, на международной научной конференции "Когнитивная лингвистика конца XX века" (г. Минск, октябрь 1997 г.), на 16-й научно-методической конференции по вопросам повышения качества преподавания в вузе (Тверь, май 1998 г.), на научной конференции "Языковая личность: жанровая речевая деятельность" (г. Волгоград, октябрь 1998 г.), на II-й международной конференции "Филология и культура" (г. Тамбов, май 1999 г.), на VIII международных Карских чтениях "Язык в свете классического наследия и современных парадигм" (г. Минск, декабрь 2000 г.). По теме диссертации опубликовано 6 работ общим объемом около 6 печ. л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава "**Теоретические основания филологического анализа вербального утешения**" посвящена поиску определения понятия вербального утешения.

Любая лингвистическая дисциплина, поскольку она является научной, обладает необходимым объяснительным потенциалом для изучения конкретных аспектов вербального утешения. Однако сложность феномена вербального утешения делает недостаточным их объяснительный потенциал для понимания сути изучаемого предмета. С

этой точки зрения в реферируемой диссертации приводится критический анализ теории речевых жанров, теории речевых актов и лингвистики диалога.

Это обстоятельство заставляет нас для понимания самой *идеи* вербального утешения обратиться к наиболее общим подходам к изучению человеческой деятельности, т.е. к методологии. Г.П. Щедровицким была предложена схема трехслойного строения мыследеятельности (МД), содержащей:

- пояс социально организованного и культурно закрепляемого коллективно-группового мыследействования (мД);
- пояс полифонической и полипарадигматической мысли-коммуникации, выражающейся и закрепляющейся прежде всего в словесных текстах (М-К); пояс М-К живет по принципам противоречий, конфликтов и проблематизаций; это всегда поле борьбы и взаимоотрицаний;
- пояс чистого мышления, развертывающегося в невербальных схемах, формулах, графиках, таблицах, картах, диаграммах и т.п. (М).

Эти три пояса связываются и объединяются в одно системное целое за счет процессов понимания и рефлексии. Каждый из поясов может обособляться от других и выступать в качестве относительно самостоятельной системы. В этом случае мы будем иметь лишь редуцированную и потому вырожденную форму МД.

Методологические основания рассмотрения деятельности и понимания, предложенные Г.П. Щедровицким, послужили базой для исследований понимания вербального текста Г.И. Богиным. "Конечная социальная цель филологической герменевтики – помочь коммуникации людей в разнообразнейших герменевтических ситуациях, включая и 'чтение в душе' при рецепции речевых и других произведений культурной и коммуникативной деятельности других людей, преодолеть непонимание человека человеком" [Богин].

На основе схемы МД представляется возможным построить схему вербального утешения. Поскольку для всякой осмысленной деятельности, в том числе и для вербального утешения, необходимо перевыражение каждого из поясов в двух других, то это значит, что, среди прочего, "вербальный" пояс М-К должен перевыражать в себе пояса М и мД. Поэтому для понимания сути вербального утешения необходимо определить, какие элементы действительности всех трех поясов несут в себе *утешение* и которые из них, будучи опредмечены в языковой форме, будут представлять собой *вербальное утешение*.

Для того чтобы выделить элементы действительности во всех трех поясах, которые несут в себе *утешение*, представляется необходимым начать с пояса чистого мышления, чтобы сначала осознать саму *идею* утешения, его *смысл*. Понять смысл утешения представляется возможным

с точки зрения *языка*, поскольку в языковых значениях замерли все или почти все ранее пережитые индивидом и коллективом смыслы. Как отмечает Ю.С. Степанов, "В языке до нас запечатлено многотысячелетнее познание мира; мир отражен в языке; в этом определенном смысле мир и его отражение в языке – нечто единое" [Степанов]. Поэтому в качестве источников информации о смысле утешения стали для нас лингвистические словари (использовались английский, латинский, немецкий, русский и церковно-славянский языки).

Наиболее общим пониманием утешения является его понимание в качестве *процесса*. Всякий процесс – это некоторый переход из одного состояния в другое. Выяснив характеристики этих двух состояний для процесса утешения, мы сможем понять смысл утешения. В результате исследования получились следующие пары, в которых один элемент (справа) говорит о результате утешения, а другой (слева) – об отсутствии этого результата: *хаос – порядок, пустота – наполненность, монотонность – многообразие, ущербность – комплектность, дробность – цельность, голод – сытость, низ – верх, теснота – простор, кривизна – прямота, острота – тупость, шероховатость – гладкость, тьма – свет, мутность – прозрачность, бледность – яркость, шум – тишина, суета – покой, изгнание – приют, одиночество – единение, обнаженность – защищенность, зависимость – свобода, виновность – искупление, кара – награда, стужа – тепло, зной – прохлада, отчаянье – надежда, робость – уверенность, усталость – бодрость, мягкость – твердость, слабость – сила, тяжесть – легкость, быт – за-бытие, смерть – жизнь, болезнь – здоровье, ложь – истина, пассивность – активность.*

Каждый полученный элемент представляет собой высокой степени обобщенности метафоричную характеристику исходного и целевого состояний процесса утешения. Эти характеристики не являются независимыми, отражающими различные аспекты соответствующих состояний. Наоборот, они взаимно пересекаются, взаимно предполагают одна другую, являясь взаимным перевыражением друг друга.

Несмотря на различную представленность в рассматриваемых языках и достаточно случайный выбор самих языков (в рамках исследования не ставилась задача сравнительного изучения бытования смыслов *утешение* в рассмотренных языках), можно утверждать, что все эти пары в значительной степени коррелированы между собой. Речь идет о непрерывном *континууме*, который средствами языка может быть разделен конкретными маркерами на то или иное конечное количество дробей. Для целей краткого именованя двух состояний, характеризующихся приведенными выше парами оппозиций, используются два русских слова – *Лад* (для целевого состояния) и *Разлад* (для исходного состояния).

Выделение конструкторов *Лад* и *Разлад* дает нам ключ к пониманию вербального утешения:

Вербальное утешение – это вербализация (перевыражение в поясе М-К) элементов действительности поясов М (компоненты Лада) и мД (элементы, опредмечивающие компоненты Лада).

Поскольку существует *постоянная* потребность в определенном типе общения, нацеленном на *Лад*, то *вербальное утешение – это определенная культура вербального общения с любым собеседником, в любых ситуациях.*

Или, другими словами: *вербальное утешение – это modus vivendi языковой личности, репрезентирующий в продуцируемых текстах элементы Лада.*

Поскольку утешение есть переживание *Разлада*, претерпевание страданий, то *утешение – это "страдание страданий"*.

"Глухое непонимание", "самотечные процедуры" и бездуховность не в состоянии изменить исходный материал – наличный *Разлад* – и могут лишь ретранслировать его дальше, выплескивая в мир, на окружающих людей и, тем самым, умножая скорбь, поэтому *утешение – это понимание.* (Вспомним: "Счастье – это когда тебя понимают").

Такой подход выводит понимание вербального утешения за рамки одной лишь лингвистики в область целого ряда гуманитарных дисциплин. Избранный нами подход к пониманию вербального утешения делает невозможным полное и систематическое изучение данной темы в рамках какой-либо одной работы, сколь бы масштабной она ни была. Ниже мы рассмотрим лишь некоторые моменты, которые, на наш взгляд, могут дать предварительное понимание вербального утешения.

Во второй главе "**Стратегии вербального утешения**" описываются стратегии и редуцированные формы вербального утешения.

Определение вербального утешения как вербализации элементов *Лада* предоставляет возможность выделить ряд стратегий вербального утешения на основании тех фрагментов "жизненного мира" утешаемого, в которых элементы *Лада* представлены. В качестве таких фрагментов предлагается рассмотреть: *a)* наличие *Разлада* как такового, *b)* самого утешаемого и *c)* собственно положение дел (ситуацию).

Положительная оценка самого факта наличия *Разлада* характерна для *религиозного* утешения, когда всяческие лишения и притеснения (т.е. различные элементы *Разлада*) в этой жизни гарантируют *Лад* за порогом земного существования. Выпавшие на долю человека трудности рассматриваются как испытания, посылаемые Богом для укрепления духа, совершенствования души и приготовления к высшему суду ("*Кого возлюбит Господь, тому посылает скорби*"). Для этой стратегии характерно глобальное осмысление мира и места человека в этом мире.

Реализация положительной оценки утешаемого составляет стратегию *моральной поддержки*. Эта стратегия возможна в двух вариантах (положительная оценка утешаемого и отрицательная оценка сил, ему противостоящих), которые могут применяться как самостоятельно, так и совместно ("*Вы белый голубь в черной стае грачей, вот они и клюют вас*"). Так как стратегия моральной поддержки не (жестко) связана с ситуацией, в которой оказался утешаемый, то эта стратегия может применяться в тех случаях, когда утешающему неизвестны причины расстройства утешаемого (например, в начальной стадии диалога утешения). Ограничения в использовании стратегии моральной поддержки могут возникнуть в тех случаях, когда утешаемый сам повинен в сложившейся ситуации и/или ситуация затрагивает утешаемого опосредованно (что-то произошло с другими людьми).

Оценка ситуации в целом разбивается на две оценки: оценка положения дел к моменту утешения (собственно оценка ситуации) и оценка дальнейшего развития ситуации (оценка перспективы).

Положительная оценка утешающим ситуации, в отличие от ее отрицательной оценки утешаемым, представляет собой стратегию *переинтерпретации*. Эта стратегия предполагает наличие у утешающего богатого опыта и широты взглядов, которые бы позволили ему совершенно по-другому взглянуть и на ситуацию, и на утешаемого, понять интересы утешаемого, возможно, лучше его самого. Стратегия переинтерпретации может быть эффективно использована только в тех случаях, когда утешающий обладает достаточной информацией и об утешаемом и о ситуации, а также необходимым авторитетом, чтобы другой взгляд на ситуацию и ее противоположная оценка были (вос)приняты утешаемым.

Перспективной, однако, может оказаться и отрицательная оценка ситуации утешающим. При этом предлагается различать стратегии утешения в зависимости от того, вербализирована такая оценка в речевом поведении утешающего или нет. В случае отсутствия вербализации негативной оценки ситуации можно говорить о стратегии *смены фокуса*, когда внимание утешаемого не акцентируется на имеющихся проблемах, а предлагаются элементы *Лада*, находящиеся (возможно) и вне рамок оцениваемой ситуации. Сам факт смены фокуса будет при этом имплицитно выражать незначительность тех проблем, которые расстраивают утешаемого, что также может способствовать достижению утешающим своей цели. Стратегия смены фокуса не может быть успешно применена в случаях наиболее трагических (в системе ценностей и приоритетов утешаемого) событий. Во-первых, в силу жесткой фиксации утешаемого на этих событиях, когда фокус просто невозможно сдвинуть с места. Во-вторых, в силу возможной негативной оценки утешаемым такой

стратегии, когда переориентация его на другие вопросы в сложившейся ситуации может рассматриваться как цинизм.

Если же негативная оценка ситуации утешающим вербализируется (признается им), то встает вопрос об оценке перспективы. Отрицательная оценка перспективы может быть представлена стратегией *фатализма*. В этом случае утешаемому не предъявляются элементы *Лада*, а предпринимается попытка нейтрализовать имеющиеся элементы *Разлада*. (Законы бытия нельзя оценивать по шкале "хорошо – плохо", это данность, с которой приходится мириться: "*Это надо терпеть*".) От утешающего, применяющего данную стратегию, требуется подлинно философский взгляд на жизнь (а порой и хорошо развитое чувство юмора), который гарантировал бы оптимальное проведение этой стратегии без усугубления состояния утешаемого открыто признаваемым *Разладом*.

Положительная оценка перспективы в зависимости от основания такой оценки может быть реализована в двух стратегиях. Если оптимизм утешающего исходит из анализа самой ситуации, то можно говорить о стратегии *преодоления*: успех приходит только после трудной борьбы и неизбежных потерь, а преодоление трудностей обогащает личный опыт и предотвращает многие ошибки в будущем. Поскольку данная стратегия представляет собой позитивную оценку перспективы, то ее применение ограничено в тех случаях, когда ограничена сама возможность какой-либо перспективы (например, у лиц преклонного возраста).

Если оптимизм утешающего в отношении перспективы базируется на личном опыте и исходит из наложения на существующую ситуацию других сходных с ней ситуаций, которые в свое время благополучно разрешились, то мы имеем дело со стратегией *изоморфизма*. Стратегия изоморфизма предполагает наличие у утешающего богатого опыта, который позволил бы ему успешно создать и изложить терапевтическую метафору (термин нейро-лингвистического программирования), с одной стороны, достаточно правдоподобную, а с другой стороны, адекватную оцениваемой ситуации.

Ограничения, накладываемые на утешающего различными стратегиями утешения, не должны служить основанием для отказа от осуществления им своей роли. Уже сам факт участия в судьбе утешаемого, демонстрация понимания его проблем и готовности помочь ему, могут рассматриваться как утешение (см. такие компоненты *Лада*, как *приют*, *приятие*, *единение*, *защищенность*). Поэтому демонстрация того, что утешаемый не один, является позитивным фактором, способным оказать положительное воздействие на развитие ситуации общения. Решающую роль в такой коммуникации приобретает фатика. При этом утешаемый оценивает речевое поведение утешающего не с точки зрения содержания, а *метакоммуникативно*, т.е. становится неважным, что именно говорит

утешающий. В этом случае возможно применение редуцированных форм вербального утешения, которое становится уже *метаутешением*. Метаутешение содержит в себе различные стратегии утешения в элиминированной форме.

В качестве метаутешения может рассматриваться (формальное) *выражение соболезнования*. Соболезнование может содержать в элиминированной форме такие стратегии утешения, как моральная поддержка и фатализм, а в некоторых ситуациях – и другие возможные стратегии. При этой форме метаутешения еще сохраняется вербальная активность утешающего.

Редуцируя речевое поведение утешающего далее, мы уже получаем *значащее молчание*. Такое молчание может рассматриваться как нулевая стратегия утешения, когда элементом *Лада*, предъявляемым утешаемому, является сам факт присутствия рядом другого человека. Можно предположить, что значащее молчание включает в себя в элиминированной форме все возможные стратегии утешения. При этом диалог утешения при реализации утешающим нулевой стратегии возможен в двух формах: утешаемый говорит ("высказал и облегчил свою душу") и утешаемый молчит ("молчание вдвоем").

Предельная форма метаутешения – мысленное общение утешаемого с Богом или с отсутствующим дорогим ему человеком – *автоутешение*, когда элиминируется уже сам диалог в его традиционном понимании.

Стратегии утешения не изолированы друг от друга, они могут взаимно дополняться, взаимно предполагать друг друга, переходить одна в другую, редуцироваться в различных формах метаутешения. В практике живой человеческой коммуникации множество возможных стратегий утешения представляет собой непрерывный континуум, в котором выделенные нами стратегии утешения и формы метаутешения представляют собой некие опорные точки, удобные для анализа конкретных примеров вербального утешения. Доля каждой стратегии утешения в общей палитре должна соответствовать ее потенциалу утешения и находить соответствующие текстообразующие средства.

В третьей главе "**Вербальное утешение в системе коммуникации**" рассматриваются различные содержательные формы и коммуникативные переменные, которые может принимать вербальное утешение.

Для этого были рассмотрены *Лад* и *Разлад* с различных точек зрения и сделан вывод об их универсальном характере. Они связаны с концептами *религиозными* (Бог и Сатана, рай и ад, божественное и мирское), *эстетическими* (прекрасное и ужасное), *этическими* (добро и зло). Это позволяет предположить, что противопоставление метасмыслов *Лада* и *Разлада* коренится в сути человеческого бытия, а сами *Лад* и *Разлад* являются некими его крайними точками – полюсами.

В реферируемой диссертации была построена модель мира внутренних состояний, в основу которой положена географическая метафора: *Лад* и *Разлад* представляют собой два полюса в пространстве возможных внутренних состояний человека, антонимические пары рассматриваются как меридианы, соединяющие два полюса, ось полученного "глобуса" ориентирована от лево-низ (полюс *Разлада*) к право-верх (полюс *Лада*). На "глобусе" выделяются пять качественно различных зон: две полярные точки, нейтральная экваториальная зона и две полярные области, лежащие между полюсами и экваториальной зоной. Для каждого человека границы областей индивидуальны, абсолютны только полюса. Состояние субъективности конкретного человека в конкретный момент времени можно представить в виде замкнутой линии, пересекающей все меридианы.

Поскольку утешение связано с выходом из полярной зоны *Разлада*, то оно может быть достигнуто двумя принципиально различными способами: *a)* движение внутреннего состояния в сторону *Лада* (такое утешение называется реальным); *b)* смещение в сторону своего полюса субъективной границы полярной области *Разлада* (такое утешение называется мнимым, поскольку душевное состояние при этом остается неизменным).

Реальное утешение следует отличать от практической помощи. Если реальное утешение – это вербализация элементов *Лада*, присутствующих в наличной ситуации или в будущем, которое наступит без участия утешающего, то практическая помощь – это практика по изменению наличной ситуации с целью создания в ней (привнесения в нее) элементов *Лада*.

Предметом утешения называется фрагмент наличной ситуации, в котором утешающий находит элементы *Лада*. Среди предметов утешения выделяются универсальные, которые не связаны непосредственно с наличной ситуацией и всегда присутствуют в "жизненном мире" утешаемого. Универсальные предметы утешения делятся на две большие группы: *материальные* и *идеальные*. К материальным предметам утешения относятся *звездное небо, земная природа, результаты одухотворенного человеческого труда*. Все они несут в себе элементы *Лада*. К числу идеальных предметов утешения относятся всевозможные идеологии (в широком понимании этого слова), исповедующие элементы *Лада* в качестве самодостаточных ценностей. Это могут быть различные *верования*, а также *философские, естественнонаучные, эстетические и социально-политические* системы. Естественно, что воспринять идеальные предметы утешения, увидеть в них (а через них – и в мире) элементы *Лада*, доступно далеко не всем. Однако тем, кто их постиг, ни утешения, ни утешающие уже не нужны, они сами становятся носителями утешения.

Определив утешение как вербализацию элементов *Лада*, присутствующих в тех или иных объектах, входящих в "жизненный мир" утешаемого, расстройства (возможные формы *Разлада*) можно определить как значащее отсутствие (наличие лакун) в системе *Лада* утешаемого. Иначе говоря, *Разлад* есть следствие различного рода утрат в "жизненном мире" утешаемого. Такие утраты могут быть материально опредмечены (разбита голубая чашка, которая была чем-то дорога), но могут и не иметь видимых воплощений и затрагивать исключительно внутренний мир человека. Наивысшей степенью *Разлада* является утрата Бога, утрата жизненных идеалов, утрата смысла жизни, осознание того, что жизнь прошла напрасно.

Наиболее общие правила и ограничения на коммуникацию накладывает социокультурный контекст общения. В диссертации рассмотрены два типа социумов: "*индивидуалистический*" и "*коллективистский*". Утешение в разных типах социума может принимать существенно различные формы в силу различий в представлениях о месте и роли отдельной личности в социуме.

В *индивидуалистическом* социуме личность рассматривается как самодостаточная, не нуждающаяся в поддержке и соучастии со стороны других, всякая попытка открытого утешения рассматривается как явное признание существования конкретных проблем у члена социума и потому противоречит существующим в социуме нормам и оценивается негативно. Как результат согласования потребности человека в утешении и норм социума, утешение принимает институциональные формы, возникает институт профессиональных утешителей, к которым обращаются в случае необходимости.

В *коллективистском* социуме личность зависима от своих соседей и нуждается в их поддержке, что не только допускает, но и предполагает открытое утешение. Всю свою потребность в утешении член коллективистского социума удовлетворяет в повседневном общении с другими членами своего социума, социальный спрос на профессиональных утешителей отсутствует.

При таких рамочных условиях осуществления вербального утешения в различных типах социума формируется определенная матрица выбора стратегий утешения: для индивидуалистического социума характерными становятся переинтерпретация и изоморфизм, для коллективистского – религиозное утешение, моральная поддержка, фатализм, преодоление, смена фокуса. При этом не налагается никаких жестких табу, речь идет лишь об определенных предпочтениях. В каждом случае утешающий выбирает ту стратегию, которая наиболее соответствует конкретной ситуации общения.

Рассмотрение стратегий утешения дает возможность сформулировать наиболее общие требования, предъявляемые к утешающему. К их числу относятся авторитет и наличие богатого жизненного опыта. Поэтому при прочих равных условиях люди, старшие, как по возрасту, так и по социальному статусу, обладают большим потенциалом утешения. По этой же причине можно прогнозировать недостаточную результативность утешения родителей их детьми, учителей их учениками, начальников их подчиненными. (Интересно заметить, что этого сдерживающего фактора лишены совершенно посторонние люди, не знакомые с утешаемым, поскольку отсутствуют сложившиеся иерархические отношения.) Два основных требования (авторитет и опыт), предъявляемых к утешающему, взаимосвязаны и непротиворечивы. Поэтому, возводя их в превосходную степень, можно получить ряд образов идеального утешающего, который может быть сужен исходя из мировоззрения утешаемого (с учетом его религиозности): *a)* божества; *b)* их "доверенные лица" – служители культа, проповедники; *c)* люди, прожившие долгую и трудную жизнь.

Вербальное утешение является полем активного взаимодействия оценок утешающего, с одной стороны, и утешаемого, с другой стороны. При этом оценки, производимые утешающим, определяют пространство его возможного маневра в коммуникации, особенно в связи с выбором стратегии, а оценки, производимые утешаемым, накладывают на это пространство ряд ограничений, сужая его. В пределе такое сужение может приводить к полному "обезоруживанию" утешающего и, как следствие, к невозможности успешного проведения вербального утешения. Таким образом, результативность диалога утешения зависит от способности утешающего обеспечить себе максимально широкий диапазон возможных стратегий речевого поведения, минимизировав, по возможности, последствия ограничений, накладываемых оценками утешаемого.

Рассматривая вербальное утешение в самом общем виде, без привязки к конкретной ситуации общения, мы можем сделать вывод о принципиальной возможности вербального утешения, вне зависимости от его сложности и протяженности во времени.

Одной из главных предпосылок, как и одним из возможных средств утешения, является *воспитание и образование* человека, максимальное приобщение его к *Культуре*, что позволит, с одной стороны, существенно расширить возможный для данного человека инструментарий утешения, а с другой стороны, сделать возможным для этого человека самостоятельный поиск и выбор наиболее действенных в данной конкретной ситуации инструментов. В этом контексте особый смысл приобретает определение, приписываемое Платону: "Обучение – способ попечения о душе".

В заключении подводятся итоги проведенного исследования и намечаются перспективы дальнейшей работы.

В приложении приводится лексика, послужившая основанием для выделения компонентов рядов *Лад* и *Разлад*.

Основные положения диссертации отражены в следующих *публикациях*:

1. Ханский А.О. Утешение как коммуникативный акт // Когнитивная лингвистика конца XX века: Материалы междунар. науч. конф. 7 - 9 окт. 1997 г. В 3 ч. - Минск, 1997. Ч. 2. - С. 135 - 138 (в соавторстве).
2. Ханский А.О. Коммуникативно-ритуальный акт со значением утешения // Повышение качества преподавания в с.-х. вузе - залог успешной подготовки специалистов АПК в современный период: Материалы 16-й науч.-метод. конф. 6 - 7 мая 1998 г. - Тверь, 1998. - С. 159 - 161 (в соавторстве).
3. Ханский А.О. Прогностические стратегии речевого поведения утешающего // Языковая личность: жанровая речевая деятельность: Тезисы докл. науч. конф. 6 - 8 окт. 1998 г. - Волгоград, 1998. - С. 98 - 100.
4. Ханский А.О. Социокультурный фактор в изучении диалога утешения // Филология и культура: Тезисы 2-й междунар. конф. 12 - 14 мая 1999 г. В 3 ч. - Тамбов, 1999. Ч. 2. - С. 126 - 127.
5. Ханский А.О. Классификация стратегий вербального утешения // Мова у святле класичнай спадчыны і сучасных парадыгм. Тэзісы дакладау VIII міжнародных Карскіх чытанняў 14 - 17 снежня 2000 г. - Гродна, 2000. - С. 80 - 85.
6. Ханский А.О. Вербальное утешение. - Тверь, 2001. - 80 с.